

*С. А. Песина (Магнитогорск, Россия)**О. Л. Зимарева (Магнитогорск, Россия)**К. А. Козлова (Магнитогорск, Россия)*

МЕТАФОРА КАК МОДЕЛЬ КОГНИЦИИ И КОНВЕНЦИАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА

Аннотация. Несмотря на большое число исследований по проблемам полисемии, ученые не пришли к единому мнению относительно того, оперирует ли человек в ходе смыслообразования списками значений или в основе семантической структуры многозначного слова лежит общее значение. Нерешенность проблемы полисемии обуславливает актуальность исследований в данной области. В статье представлена попытка описать способы хранения и функционирования метафорических значений в языковом лексиконе. Представлены механизмы, обеспечивающие быстрый доступ к лексемам без необходимости сканировать списки значений. Выдвинута гипотеза о том, что использование лексического инварианта, как содержательного ядра слова, позволяет в процессе коммуникации осуществлять эффективный поиск и встраивание метафорических значений в контекст высказываний. Лексический инвариант выступает как общая когнитивная модель восприятия и осмысления окружающего мира, а на нейробиологическом уровне приводит к наращиванию новых нейронных связей. Приведены результаты инвариантно-компонентного анализа по определению лексического инварианта. Такие образования играют роль эффективных заместителей всего содержания концепта или значения, освобождая сознание от необходимости сканировать весь спектр значений, подтверждая принцип языковой экономии. В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление способов репрезентации метафорических значений в лексиконе, в частности, на верификацию кластерно-инвариантной структуры полисемантов, выявление сетевой модели организации лексикона, доминантных элементов структуры слова, алгоритмов декодирования переносных значений. Результаты исследования показали, что носитель языка не нуждается в хранении развернутых дефиниций для оперирования значениями слов, а для идентификации значений им достаточен был минимальный набор признаков.

Ключевые слова: многозначное слово, семантическая структура слова, метафора, семантика, значение, экспериментальное исследование.

Введение

К настоящему моменту не удается получить целостного непротиворечивого представления о способах функционирования значений слова в лексиконе: имеются известные семантические теории, высвечивающие отдельные аспекты функционирования слов в виде логогенов, модулей, когнитивных прототипов, вербализованных концептов, фреймов, концептуальных метафор и т. п. Лингвисты не сходятся во мнении относительно того, пользуемся ли мы готовыми значениями, либо происходит их сборка в лексиконе.

Исследования в области многозначности фактически сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения: запоминание значений списками, аналогичными словарным статьям или сведение структур слов к общим значениям [5; 6; 7; 10]. Наиболее широкую поддержку в западных публикациях получила списочная теория хранения и функционирования слов в лексиконе [9], согласно которой значения многозначного слова не связаны семантически и функционируют в лексиконе отдельно, как омонимы.

Имеются экспериментальные данные о том, что в языковом сознании прямые значения хранятся отдельно от переносных: прямые и метонимические значения существительных и глаголов хранятся в одной ментальной репрезентации, а метафорические – в отдельных репрезентациях [1; 14]. Возникает вопрос о том, как именно разобщенно хранящиеся значения удерживаются в ментальном лексиконе в одной структуре и не распадаются на омонимы. По нашему мнению, связанность является одним из основополагающих принципов работы когнитивной системы человека и, в частности, языкового пространства, организованного по принципу семантической сети.

Еще один круг проблем в когнитивистике касается постулирования или опровержения зыбкого характера природы значений. Обсуждается вопрос об эффективном использовании значений со свойствами текучести и неустойчивости, поскольку подобные характеристики значений входят в противоречие с высказыванием Л. С. Выготского о том, что значение есть зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная [2, с. 87].

Кроме того, в последнее время предпринимаются попытки обращения к семантике многозначных слов со стороны специалистов по компьютерной обработке текстовых массивов. Ключевая задача, которую они не могут до конца решить, – это разрешение лексической многозначности (word sense disambiguation). Так, в качестве инвентаря значений слов на сегодняшний день используются

семантические сети наподобие WordNet.

Наконец, специалисты в области нейролингвистики посредством исследования функционирования нейронов мозга пытаются пролить свет на строение лексикона и ответить на ряд других фундаментальных вопросов по семантической организации слов. Так, экспериментальные данные по энцефалографическому обследованию мозговой активности свидетельствуют о том, что в момент реакции на представленное слово у испытуемого визуализируется активность целой группы взаимосвязанных нейронов, находящихся в соседних областях мозга. Существует теория о том, что в мозге функционируют нейроны, чувствительные к определенным семантическим свойствам и принимающие участие в формировании более чем одной семантической сети [13]. В работах проводится все больше аналогий функционирования значений и признаковых связей внутри слова и нейронных сетей.

Интересно, что А. Р. Лурия утверждал, что изначально человеческий мозг понимает объекты как совокупность компонентов, в которых мозг разделяет полученные изображения или информацию, но с ростом понимание объекта приобретает символизированный характер [4]. Личное субъективное культурно и социально обусловленное восприятие окружающей среды постоянно корректирует их языковую картину мира.

1. Репрезентация значений лексем в ментальном лексиконе

Экспериментальные данные, полученные нами в течение ряда лет, свидетельствуют о том, что слова не организованы в нашем языковом сознании по принципу словаря и далеко не всегда значение, представленное в словаре как наиболее частотное, функционирует как первое в индивидуальном лексиконе [8]. Сами информанты зачастую довольно субъективны, их толкования значений довольно абстрактны и сумбурны. Ни один тестируемый не смог привести все имеющиеся значения многозначного слова, какие-либо значения всегда оставались упущенными. Кроме того, получив задание дать толкование значению, информанты зачастую толковали абстракции через абстракции, а фразеологизмы через фразеологизмы.

Тот факт, что некоторые информанты игнорировали первые значения, указало на возможное существование и функционирование в языковом лексиконе некой семантической доминанты в виде значения либо инварианта, к которому имелся самый быстрый доступ. Кроме того, испытуемые довольно редко пользовались развернутыми дефинициями: для идентификации значений им достаточен был минимальный набор признаков.

С вышесказанным связан тот факт, что порядок хранения значений многозначных слов в ментальном лексиконе не соответствует порядку, приведенному в толковых словарях, так как на порядок значений в ментальном лексиконе оказывают влияние частотность и ряд экстралингвистических факторов (интерес, окружающая среда и пр.). Как показал эксперимент, часто на первое место носитель языка ставит значение, актуальное для него в данный момент времени. Значения хранятся либо в довольно свернутом виде, либо в виде набора семантических признаков абстрактного характера.

В целом, экспериментальные данные свидетельствуют также и о том, что наш лексикон является динамически развивающимся и, с одной стороны, склонным к обобщениям, а с другой – в достаточной степени социально, культурно обусловленным хранилищем данных, где личная интерпретация входящей информации часто преобладает над объективно-инферентной. Функционирование концептуальной системы человека осуществляется по принципу семантической сети со многими выходами как сложной многоуровневой системы парадигматических связей, позволяющих эффективно ориентироваться в окружающей среде, адаптироваться к ней и управлять ею.

2. Метафора как структурная и смыслообразующая единица когниции

Метафора – это когнитивная модель, объединяющая понятия из разных лексических категорий в одно целое, с обязательным сохранением двух семантических доменов и образного элемента. Для описания метафорических механизмов используются следующие термины: «двойная денотация», «эффект двойного видения» / «двойное восприятие», «две семантические области» и т. д. Эти термины указывают на то, что одна семантическая область понимается в понятиях другой с извлечением общего признака.

Когда дело касается выявления функционального механизма метафоры, некоторые исследователи выделяют механизм палимпсестного наложения образов. Например, пытаясь понять значение метафоры «человек – это обрыв», мы как бы «сливаем» персонажа и обрыв вместе, а затем, оставив основную черту персонажа, «лишаем» его всех других черт. Эту же мысль имел в виду Б. М. Гаспаров, говоря об эффекте наложения одних образных изображений на другие. Чем менее

ожидаемым является столкновение наложенных изображений и чем более яркий эффект оно вызывает, тем более впечатляюще и свежо ощущается метафора [3, с. 263]. Основные проблемы, сбивающие с толку лингвистов и философов языка в этом смысле, состоят в природе начального и конечного образов, относящихся к двум областям, и области значения, из которого выделяется общий инвариантный признак.

Например, при использовании слова *лиса* для описания человека принято говорить, что новая сема 'человек' появляется в пределах смысловой структуры области источника. Если бы другие семы, соответствующие чертам характера, не типичным для человека, были потеряны при появлении новой семы человека, новое значение не приобрело бы прагматического эффекта и образности. Следовательно, предыдущие семы не исчезают, а блекнут в своей интенсивности и уходят в структуру смысла на задний план. На самом деле две области в структуре значения коррелируют в нашем сознании из-за семы 'наносить вред с помощью уловок и хитрости', которая существует в **обеих** областях значения. Когда мы используем лексему *лиса*, говоря о человеке, мы визуализируем животное, обозначаемое тем же словом. Корреляция в нашем сознании двух понятий, соответствующих прямому и переосмысленному значениям, приводит к образованию семейного сходства в структуре значения. Метафора является **обоюдным перекрестным** ментальным переносом в рамках концептуальной системы.

Имеется и другая проблема в понимании метафорических механизмов, которую мы кратко рассмотрим в рамках этой статьи. Известно, что в процессе метафоризации некоторые области, структурируясь по образцу источника, формируют метафорическую проекцию (*metaphorical mapping*) или когнитивное отображение (*cognitive mapping*). В понимании автора концепции когнитивной метафоры (Дж. Лакоффа) исходный и целевой домены концептуально разделены. Однако возникает вопрос: может ли осуществляться взаимовлияние исходного и целевого доменов в метафорах. Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо объяснить двунаправленность метафорических моделей, т. е. необходимо уточнить или даже отказаться от предложенных базовых структур метафор, разделяемых многими лингвистами.

Поясним проблему двунаправленности метафорических моделей на примере использования метафор в политдискурсе. Так, в американском политдискурсе республиканцы характеризуются метафорически с позиции более жестких политиков, в то время как демократы символически представлены как более мягкие. Это концептуальное отображение приводит к тому, что консерваторы настаивают, что семье или американскому обществу, говоря метафорически, нужен «строгий отец», а либералы утверждают, что ей нужен «заботливый родитель» [15].

Когда подобная метафора создана и активизируется, она с неизбежностью вызывает и имитирует сенсорные модальности. То есть, концептуальная метафора может формировать способ восприятия проприоцептивных ощущений: рукопожатие Д. Трампа, вероятно, будет ощущаться более крепким, чем рукопожатие Дж. Байдена. Происходит обратное влияние источника метафоры (жесткое рукопожатие) на концепт соответствующей политики (жесткая, как строгий отец).

Происходит как бы уплотнение когнитивно-коммуникационного канала, то есть передача двухсторонних информационных потоков или мультиплексирование. На нейронном уровне картирование концептуальных метафор, пока, во всяком случае, не представляется возможным. Однако мощным верифицирующим средством может служить синестетическая метафора (например, горячее рукопожатие, холодный прием, кричащий оранжевый и др.). Она может оказаться хорошей моделью для понимания метафор, поскольку ее структурные и функциональные нейронные аспекты кажутся более доступными для изучения.

Итак, метафоры – это, несомненно, ключ к пониманию основ мышления и процессов создания универсального национально-специфического образа мира. Они демонстрируют связь с логикой, поскольку схематизируют и категоризируют наш мир. Метафоры – это вторжение воображения в зону интеллекта, поскольку это нагрузка на рабочую память и контроль внимания. Изучение метафоры позволяет наблюдать и анализировать то сырье, из которого образуется значение слова. Без метафоры не существовало бы лексики внутренней жизни человека, абстрактных понятий, вместе с тем, она снимает запрет на эмоциональное воздействие. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка” [12].

3. Лексический инвариант как общее значение двух когнитивных областей

Итак, тот общий инвариантный признак(и) в процессе образования метафор и составляет(ют) собственно то, что «переносят». Это та общая часть семантики, которая возникает из представления сопоставления и является необходимой основой образования метафоры. Без образования подобного обобщенного представления на переднем плане (или «ближайшем» значении по А. А. Потебне), кото-

рый в конечном счете элиминирует фоновый план, очевидно, невозможно образование метафоры.

Например, английское многозначное слово *nose* «нос» содержит порядка 20 переносных значений, большая часть из которых представляет собой метафоры. Со временем у слова может формироваться тот общий семантический фон, который объединяет домены источников и мишеней. Это лексический инвариант, содержательное ядро всей лексемы: *the front sticking out part of an object* «передняя выступающая часть объекта». Покажем далее степень реализации инвариантных признаков в метафорических значениях:

– метафорический узел *nose of a machine / tool* «нос станка / инструмента» основан на инвариантных компонентах *a front, sticking out part of an object*;

– метафорический узел *nose of fruit / berry* «нос фрукта / ягоды», *nose of a vehicle / ship / boat / rocket / car / airplane* «нос транспортного средства / корабля / лодки / ракеты / автомобиля / самолета» основан на инвариантных компонентах *a front, sticking out part of an object*;

– метафорический узел *nose of a rock / flexure нос скалы / изгиба* – это только инвариантные компоненты *a sticking out part of an object*.

Подобные инвариантные признаки решают важные проблемы коммуникации: обеспечивают быстрый путь к нужному значению в лексиконе, эффективное речевое взаимодействие, когда в коммуникативном цейтноте у индивида минимум времени на обдумывание сказанного и достаточно общего понимания ситуационного контекста посредством использования доминантного семантического признака, к которому ведут самые быстрые нейронные связи [11; 18].

В целом, весь лексикон можно представить как полиструктурное образование, пронизанное сетью разнотипных связей [16; 17; 18]. Лексическая сетевая модель предполагает, что значения и их признаки не существуют изолированно, вовлечение одного из них обязательно приведет к активации других [17; 19; 20]. Этот факт не требует запоминания всей системы, достаточно сформированных устойчивых входных данных, которые служат своего рода ключом к «отпираанию» или активации необходимой семантической цепи.

Заключение

Итак, представленные исследования, включающие тестирование, обработку результатов и изучение данных по лексическим сетям, обобщение инвариантно-кластерного метода по обучению развитию метафорической образности направлены на развитие глубинных навыков системного логического и, одновременно, образного и языкового мышления, помогающие декодировать неоднозначную метафорическую информацию. Полученные в ходе исследования данные позволят не только раскрывать истинные смыслы слова, стоящие за метафорическими переосмыслениями, но и всей семантической структурой слова в целом. В нашей концепции значение рассматривается как зыбкая структура, вследствие того, что для его контекстной реализации не требуются полный комплекс стоящих за ним признаков, достаточны инвариантные компоненты. Значение формируется и начинает «работать» в момент речи («Слово совершается в речи» Л. С. Выготский).

В целом, выявление алгоритмов осмысления переносных значений и взаимосвязи элементов внутри структуры слова может существенно дополнить семантическую теорию, а также теорию когнитивных метафор. Представление семантической структуры слов в виде семантической сети связанных между собой значений и компонентов имеет ряд преимуществ перед списочной теорией, т.к. позволяет учитывать ассоциативные, категориальные, инвариантные и другие взаимосвязи между узлами сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В., Лещенко Ю. Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. Ч. 35. № 1. С. 39–53.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1997. 352 с.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Нов. лит. обозрение, 1996. 351 с.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. Рн/Д.: Феникс, 1998. 413 с.
5. Песина С. А. Прототипический подход как средство понимания и интерпретации многозначного слова // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: история и современность: материалы еждународ. науч.-практ. конф. / ред. и сост. И. П. Вишнякова-Вишневецкая. СПб : Бреста, 2005. С. 209–211.
6. Песина С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речевого производства // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. Выпуск 4. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. С. 113–115.
7. Песина С. А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте: монография. М. : Флинта : Наука, 2012. 152 с.

8. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 1083–1089
9. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // J. Memory Lang, 2012. Vol. 4. N 67. P. 407–425.
10. Falcum I. L., Vicente A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches [Electronic resource], *Lingua* 157, 2015 // ResearchGate GmbH. 2015.02.002. URL: https://www.researchgate.net/publication/272740167_Polysemy_Current_perspectives_and_approaches (date of access: 01 February 2020).
11. Fauconnier, G. Mental spaces. In Dirk Geeraerts & Hubert Cuyckens (eds.), *The Oxford handbook of cognitive linguistics*, Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 371–376.
12. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science, In: *The ubiquity of metaphor*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Co. 1985. P. 327–383.
13. Hodges J. R., Patterson, K. Semantic memory disorders. *Trends in Cognitive Sciences*. 1997. N 1(2). P. 68–72.
14. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous words // J. Memory Lang. 2001. P. 2, N 45. P. 259–282.
15. Lakoff G., Johnson M. A Metaphor-Enriched Social Cognition // *Psychological Bulletin* 136. 2010. N 6. P. 1045–1067.
16. Langacker, R. *Cognitive grammar. A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 562 p.
17. Musolff, A. Political imagery of Europe: A house without exit doors? *Journal of Multilingual and Multicultural Development* .2001. N 21(3). P. 216–229
18. Musolff A. Metaphor scenarios in public discourse // *Metaphor and Symbol* 2006. N 21(1). P. 23–38.
19. Navigli R., Ponzetto, S. Babel P. Net: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network // *Artificial Intelligence*. 2012. Vol. 193. P. 217– 250.
20. Sullivan K. *Frames and constructions in metaphoric language*. Amsterdam: John Benjamins. 2013. 184 p.

S. A. Pesina (*Magnitogorsk, Russia*)
 O. L. Zimareva (*Magnitogorsk, Russia*)
 K. A. Kozlova (*Magnitogorsk, Russia*)

METAPHOR AS A MODEL OF COGNITION AND CONVENTIONALIZATION OF A MEANING

Abstract. Despite the large number of studies on the problems of polysemy, scientists have not come yet to a consensus if a person operates in the course of words use within the lists of meanings or whether polysemous words are represented by their invariant abstract cores. The unsolved problem of polysemous words functioning predetermines the relevance of research in this area. The article presents an attempt to describe the ways of metaphorical meanings storing and functioning in the lexicon. Mechanisms that provide quick access to the language signs without having to scan lists of meanings are described in the article. A hypothesis has been put forward that the use of a lexical invariant, as the meaningful core of the word, allows to carry out an effective search of metaphorical meanings in the process of communication. The lexical invariant acts as a general cognitive model of perception and understanding of polysemous words semantics. The results of the invariant-component analysis of the lexical invariants are presented. The lexical invariants act as effective substitutes for the entire content of a concept or a word, freeing the mind from the need to scan the entire spectrum of meanings, in accordance with the principle of linguistic economy. The article presents the results of a psycholinguistic experiment aimed at identifying the ways of metaphorical meanings representation in the lexicon, in particular, at verifying the cluster-invariant structure of polysemous words. The results of the study proved that a native speaker does not need to store expanded definitions when operating with the meanings of words, and a minimum set of features is sufficient for identifying their meanings

Keywords: polysemous words, a semantic structure of a word, a metaphor, semantics, a meaning, experimental research

REFERENCES

1. Belousov K. I., Erofeeva E. V., Leshchenko Yu. E. Polevoi printsip organizatsii mental'nogo leksikona i stsenarii aktivatsii polei, *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018, vol. 35, no. 1, pp. 39–53.
2. Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'*. Moscow, Labirint, 1997. 352 p.
3. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz*. *Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*, Moscow, Nov. lit. obozrenie, 1996, 351 p.
4. Luriya F. R. *Yazyk i soznanie / pod red. E. D. Khomskoi*. Rn/D.: Feniks, 1998. 413 p.
5. Pesina S. A. Prototipicheskii podkhod kak sredstvo ponimaniya i interpretatsii mnogoznachnogo slova, *Gumanitarnye nauki i humanitarnoe obrazovanie: istoriya i sovremennost': materialy ezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, red. i sost. I. P. Vishnyakova-Vishnevetskaya, Saint Petersburg, Bresta, 2005, pp. 209–211.
6. Pesina S. A. Funktsionirovanie polisemantov v mekhanizmaxh rechevroizvodstva, *Frazeologicheskie chteniya pamyati professora V. A. Lebedinskoi*, vol. 4. Kurgan, Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2008, pp. 113–115.

7. Pesina S. A. *Yazykovoi znak i kommunikativnye protsessy v filosofskom aspekte: monografiya*, Moscow, Flinta, Nauka, 2012, 152 p.
8. Yusupova L. G., Pesina S. A. Antropotsentrizm kak istochnik popolneniya slovarnogo sostava yazyka, *Vestnik Bashkirskogo un-ta*, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 1083–1089.
9. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance, *J. Memory Lang*, 2012, vol. 4, no. 67, pp. 407–425.
10. Falcum I. L., Vicente A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches [Electronic resource], *Lingua* 157, 2015, ResearchGate GmbH. 2015.02.002. URL: https://www.researchgate.net/publication/272740167_Polysemy_Current_perspectives_and_approaches (date of access: 01 February 2020).
11. Fauconnier G. Mental spaces. In Dirk Geeraerts & Hubert Cuyckens (eds.), *The Oxford handbook of cognitive linguistics*, Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 371–376.
12. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science, In: *The ubiquity of metaphor*, Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Co, 1985, pp. 327–383.
13. Hodges J. R., Patterson, K. Semantic memory disorders. *Trends in Cognitive Sciences*, 1997, no 1(2), pp. 68–72.
14. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous, *J. Memory Lang*, 2001, vol. 2, n. 45, pp. 259–282.
15. Lakoff G., Johnson M. A Metaphor-Enriched Social Cognition, *Psychological Bulletin* 136, 2010 no 6, pp. 1045–1067.
16. Langacker R. *Cognitive grammar. A basic introduction*, Oxford, Oxford University Press, 2008, 562 p.
17. Musolff A., Political imagery of Europe: A house without exit doors?, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2001, no 21(3), pp. 216–229
18. Musolff A. Metaphor scenarios in public discourse, *Metaphor and Symbol*, 2006, no. 21(1), pp. 23–38.
19. Navigli R., Ponzetto, S. Babel P. Net: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network, *Artificial Intelligence*, 2012, vol. 193, pp. 217–250.
20. Sullivan K. *Frames and constructions in metaphoric language*, Amsterdam, John Benjamins, 2013, 184 p.

Песина С. А., Зимарева О. Л., Козлова К. А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2021. Т. 5. № 1. С.45–50.

Pesina S. A., Zimareva O. L., Kozlova K. A., *Metaphor as a Model of Cognition and Conventionalization of a Meaning*, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2021, vol. 5, no. 1, pp. 45–50.

Дата поступления статьи – 09.02.2021; 0,63 печ. л.

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; spesina@bk.ru

Зимарева Ольга Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; olgalatushkina87@mail.ru

Козлова Ксения Андреевна – магистрант кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; ksyuhakolyhanova@mail.ru

Authors:

Svetlana A. Pesina, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, at the Linguistics and Translation Department, Institute of Humanities Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk Russia; spesina@bk.ru.

Olga L. Zimareva, Candidate of Philology, Associate Professor at the Linguistics and Translation Department, Institute of Humanities Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk Russia; olgalatushkina87@mail.ru

Kozlova Ksenia Andreevna, an undergraduate at the Linguistics and Translation Department, Institute of Humanities Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk Russia; t680@mail.ru